

Лингвистические аспекты концепта «юмор»

Макалада “Юмор” түшүнүгүнүн концептуалдык мазмуну аныкталат.

Ачык сөздөр: концепт, концептосфера, лингво маданият, когнитивдик тил илими, паремия, паремия жанрлары, юмор, анекдот, велеризм.

В статье раскрывается концептуальное содержание понятия “юмор”.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, лингвокультура, когнитивное языкознание, паремия, жанры паремий, юмор, анекдот, велеризм.

Юмор соотносится с одной из самых сложных категорий эстетики – с категорией комического, которая охватывает большую группу разнородных явлений, разнообразных по форме и по содержанию.

Юмор вызывает столь большой интерес к себе благодаря своей включенности в контекст культуры. Удовольствие от юмора, под которым в наивном словоупотреблении имеется в виду «беззлобно-насмешливое отношение к чему-либо и изображение чего-нибудь в смешном, комическом виде» [1. с.792], имеет психологическую природу и при этом ускользает от психологических объяснений.

О юморе часто писали, как о средстве избавиться от целого ряда существенных, но порой обременительных человеческих проявлений; его понимали, как средство вырваться из-под гнета разума, видели в нем альтернативу состраданию, средство победить пиетет и страх, видели в нем антитезу стыда. По З. Фрейду [2. с.119], остроумие помогает преодолеть преграды, сооруженные логикой и моралью. К числу вещей, от которых освобождает смех, относили конформизм, комплекс неполноценности, наивность, социальную запрограммированность, самомнение, серьезность, условности, преклонение перед авторитетами и благоговение перед смертью. Число «антитез» юмора, считает А.Г.Козинцев [3. с.31], можно было бы увеличить в десятки раз, но даже приведенный список опровергает расхожее мнение о юморе как средстве «автокоррекции» культуры, ибо большинство отвергаемых смехом явлений (прежде всего – разум и мораль) как раз и составляют каркас культуры.

Как отмечает А.Г.Козинцев, юмор и смех на первый взгляд образуют неразрывное единство: стимул – реакция. Однако эта связь далеко не так проста, ибо высказывания, отвечающие всем «научным» критериям юмора, сплошь и рядом не вызывают смеха. Если бы смех был действительно надежным мерилем переживаний, связанных с юмором, многие загадки юмора давно были бы разгаданы. Так что смех может трактоваться как нечто вторичное, «внешний и непостоянный отблеск» внутреннего переживания, а разгадку комического следует искать в нем самом, а не в его смеховом отражении, столь зыбком и ненадежном. В то же время, полагает А.Г. Козинцев, как бы ни относиться к смеху, ведь именно ради него все и затевается. Просто юмор, как явление искусства, представляется исследователям «более благородным и достойным внимания», чем «тривиальная физиологическая реакция – смех». Юмор присущ эстетически развитому уму, способному быстро, эмоционально-критически оценивать сущность явления, склонному к богатым и неожиданным сопоставлениям и ассоциациям [4. с.85].

И в филогенезе, и в онтогенезе смех появляется раньше юмора. По юмору необходим смех. Первичная функция комического искусства именно в том и состоит, чтобы смешить. «Юмор выступает как общественно-санкционированный смехопорождающий механизм, реализующийся через знаковые системы» [5. с.174].

Специфика концепта «юмор» в русской лингвокультуре обусловлена исторически. Известно, что русское православие, в отличие от западного христианства, считает смех грехом. Русские святые не могли шутить и смеяться (если только не были юродивыми, как

Василий Блаженный). Смеются, по представлению православной церкви Дьявол и нечистая сила. С.С. Аверинцев [6. с.341] утверждает, что в Европе смех был укрощен, введен в систему и там смеяться было можно и даже нужно (поскольку смеялись даже святые), а вот у нас смех был стихийен и безоговорочно опасен. Русские по натуре склонны тянуться к Дьяволу – преступать, кощунствовать и смеяться, и православная церковь действует тут благотворно и охранительно.

В Исламе же смех не является запретным. Мусульманин не должен быть хмурым и резким. По мнению доктора Юсуфа Абдуллы Аль-Карадави: «Смех или радость – это инстинктивные чувства человека, и ислам, будучи религией, которая призывает человека к естественному феномену единобожия, должна не запрещать людям выражать эти естественные чувства, а, наоборот, приветствовать удовольствие».

Мусульманин должен развить в себе положительную и оптимистическую личность, а не мрачную и пессимистическую, видящую жизнь лишь в темных тонах» [7].

Впрочем, некую часть зла усматривают в смехе и первые теоретики смеха – Платон и Аристотель. В религиозной средневековой традиции «смехотворство» почти единодушно причисляется к разряду грехов. В Новое время против «бездумного» смеха предостерегали многие мыслители – Т. Гоббс, Ш. Монтескье.

Традиция Демокрита и Лукиана, Рабле и Вольтера, напротив, предлагает трактовку смеха как явления, открыто противостоящего злу. Два тезиса – «Смех противостоит злу» и «Смех содержит элемент зла» – составляют этический парадокс смеха [8. с.482].

В трудах Аристотеля содержатся и первые попытки разрешить это противоречие: Аристотель разделял комическое на смех (как отдых) и насмешку, а «пристойный смех» представлял как золотую середину, то есть добродетель или, по крайней мере, нечто, не противоречащее добродетели. По Аристотелю, смешное есть некая ошибка или безобразия, никому не приносящее страдание», а насмешка есть некая крайность, то есть – порок. Ср. также: Между осмеянием, которое дурно, и смехом я признаю большую разницу. Смех, точно так же, как и шутка, есть чистое удовольствие, и, следовательно, если только он не чрезмерен, сам по себе хорош (сам по себе есть благо)» [9. с.279]. Не стоит забывать и о том, что смех является терапевтическим средством. Он нужен человеку, чтобы выстоять, не отчаяться в этом мире. Чем опасно слишком серьезное отношение к вещам? Тем, что на ваших глазах могут оказаться серые очки. Сквозь них мир предстает безрадостным, бесперспективным, а потому безнадежным. В этих случаях смех жизненно необходим. О том, какое место занимает смех в жизни людей, рассуждает Панталоне – один из персонажей сказки Леонида Филатова «Любовь к трем апельсинам»:

*Ну можно ли представить мир без шуток?!
Да он без шуток был бы просто жуток!..
Когда на сердце холод, страх и тьма,
Лишь юмор не дает сойти с ума!..
Судьба играет с нами в „чёт“ и „нечёт“,
Уныние казнит, а юмор лечит.
Хвала шутам, что вовремя смогли
Нас удержать от яда и петли!..*

В современных концепциях смеха подчеркивается, что объект смешного содержит определенную меру зла, которая не является критической и, следовательно, может быть преодолена. Зло содержится не в субъекте смеха, а в его объекте, и собственно сам смех указывает на возможность преодоления этого зла. «Смех отражает зло в своем зеркале и потому сам невольно делается чем-то на него похожим... Заклечь же их этого, что смех перестает быть собой и превращается в зло, значит просто не понять истинного смысла ни того, ни другого» [10. с.31].

Начав смеяться, человек уже не в силах противостоять «икоте разума» [10. с.214], ему остается лишь ждать, когда это прекратится. Энергия смеха приходит извне. Человек незаметно для себя изменяет точку зрения на мир, она делается двойственной. Он не

может принять ни одного, ни другого – смех существует на стыке блага и зла, но ни к одному из них не принадлежит. Смех, сочетая в себе черты интеллектуального и чувственного начал, представляет собой нечто третье, существующее как раз на их стыке.

А. Бергсон, исследуя его таким образом, пришел к неожиданному выводу, что смех – это чувство противоречивое само по себе. Смех – это одновременно продукт равнодушия и спокойствия, а в то же время – сильнейшая эмоция, имеющая выраженное «общественное значение». Кроме того, смех – дитя интеллекта, но бессознателен и неосознаваем в своих истоках. Он родствен эстетике, но не уместается в ее границах. Чаще всего в литературных произведениях это несовпадение границ отдельно подчеркивается словами *вдруг, резко, неожиданно* и т.п.

Смех способен раскрыть тайну человека, показать его ум и душу, дает возможность раскрыть тайну лица. Ничто не открывает сути человека как его смех. Писатели часто используют как деталь описания улыбку героя или же описание его смеха. Например, у Гоголя в «Тарасе Бульба», когда Андрей впервые увидел свою любовь, то услышал «самый звонкий и гармоничный смех», заставивший его повернуться и увидеть уже ее красоту не только душевную, но и внешнюю.

Смех может открывать как положительные, так и отрицательные стороны в характере героя: «Этакий человек и смеется и готов смеяться, но вам почему-то с ним никогда не весело. Со смешливого он быстро переходит на важный вид, с важного на игривый или подмигивающий, но все это как-то раскидчиво и беспричинно...». Эти слова создают перед воображением читателя героя скорее отрицательного, чем положительного. Ведь что за положительный герой, не умеющий заразительно посмеяться!

Смех – это радость, свет. В любой эпохе и в любой культуре существует такая метафора, как «светлое будущее».

Значимость смеха для литературы, искусства и культуры трудно переоценить. На ранних этапах истории человечества смех наиболее ярко обнаруживал себя как массовый, был неотъемлемой частью праздничных ритуалов. Рабле назвал этот смех «карнавальным». Он охарактеризовал его как «всемирный» (создающий атмосферу всеобщего единения на почве жизнерадостного чувства), «универсальный» (направленный на мир в целом, в его вечном умирании и возрождении, на материально-телесную сторону) и «амбивалентный» (составляющий единство утверждения неисчерпаемых сил народа и отрицания всего официального, всех запретов и иерархических установлений).

С течением времени возрастает культурно-художественное значение смеха, он становится неотъемлемым звеном повседневности. Кроме всего прочего, наиболее интересное проявление смеха в литературе – это ирония (насмешливый и отчуждающий характер). Именно иронический взгляд освобождает от догматической узости мышления. Для культуры большое значение приобретает романтическая ирония (Ф. Шлегель). По мысли этого философа, она возвышает человека над противоречиями бытия и над повседневностью

«Функция смеха – символизировать радость и бороться со злом, в смехе нет никакого зла... В конце концов даже то, что зло в ряде случаев может выразиться в смехе, менее опасно, чем ситуация, когда зло проявляется в конкретных деструктивных действиях», – отмечают А.В. Дмитриев и А.А. Сычев [8. с.591].

Как известно, существуют концепты со значительной национальной спецификой. Очевидно, концепт «юмор» может быть отнесен к этому ряду.

Например, анекдоты о русских, киргизах, узбеках, казахов и прочих являются очень яркими иллюстрациями того, что различия проходят ниже объяснимого и вербализуемого слоя понятий. В анекдоте представитель каждой нации должен принять решение в обстановке неопределенности, правда спародированной и комичной. На перечислении этих решений и фиксации их необъяснимых различий анекдот закачивается. Так как решения «естественны» для каждой нации, и контраст делает их смешными. Анекдот фиксирует различия в «естественном», но не может его объяснить. Попробуйте

объяснить, в чем был юмор – не удастся. Мотивировка персонажей лежит вне понятий, обозначенных словами. Например,

Еврей идет в больницу, чтобы не болеть.

Русский идет в больницу, чтобы лечиться.

Киргиз идет в больницу умирать...

или:

Встретились трое и стали выяснять – кто кем хотел бы стать и почему?

Русский говорит: "Львом – царем зверей, чтобы править всеми"

Китаец говорит: "Тигром, чтобы быть быстрее и сильнее всех"

А киргиз отвечает: "Змеей, чтобы все делать лежа: ходить, кушать, пить..."

Все остальные попытки объяснить словами различия наций дают не больше результата, чем попытки объяснения анекдотов. У русских, например, принято давать в долг под честное слово – как это объяснить с точки зрения, например, производительных сил и производственных отношений?

В основе менталитета больших обществ лежат естественные, но неосознанные понятия, то есть метапонятия. Язык описания метапонятий – философия. На этом языке разговаривают религия, наука и искусство. Все остальные составляющие менталитета суть надстройки над этими тремя. Повседневная жизнь человека есть надстройка над этими надстройками.

Литература

1. Ожегов С.И., Шведова Ю. Толковый словарь русского языка. 2-е изд., – М., 1994.
2. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному. СПб.; – М., 1997: – С.119-129.
3. Козинцев А.Г. Об истоках антиповедения, смеха и юмора (этюды о щекотке) // Смех: истоки и функции. СПб: Наука, 2002. – С. 31.
4. Боров Ю. Эстетика. Изд-е 4. М.: Изд-во политической литературы, 1988. – С. 85-86.
5. Банников К.Л. Смех и юмор в экстремальных группах (на примере некоторых аспектов доминантных отношений в современной Российской Армии) // Смех: истоки и функции. СПб: Наука, 2002. – С. 174-186.
6. Аверинцев С.С. Бахтин и русское отношение к смеху // От мифа к литературе. – М., 1993. – С. 341-345.
7. "Ислам для всех" islam.com.ru.
8. Дмитриев А.В., Сычев А.А. Смех. Социофилософский анализ. – М.: Альфа-М, 2005. – С. 482-591.
9. Спиноза Б. Этика. СПб. 2001. – С. 279
10. Карасев Л.В. Философия смеха. – М., 1996. – С. 39, 214.

OSHGUSABIRALIEVA Z.M., 2015-4 teacher,
shumanalie2013@mail.ru

Linguistic aspects of concept "are a humour"

In the article conceptual maintenance of concept "opens up humour".

Key words: concept, cognitive linguistics, paremiae, genres of paremiaes, humour.